

Колин Голл

Укрощение дьявола

18+

Колин Голл
Укрощение дьявола

«Автор»

2020

Колин Голл

Укрощение дьявола / Колин Голл — «Автор», 2020

Рождественская история, рассказанная с юмором, о том, как дьявол, воплотившись в человека, встречает на улице Нью-Йорка одинокую и несчастную на вид женщину, и проникнувшись к ней симпатией приводит ее в свой дом. И что из этого вышло.

© Колин Голл, 2020

© Автор, 2020

Колин Голл

Укрощение дьявола

1. Однажды в канун Рождества и не где-нибудь, а в Бруклине, красивый, изящно сложенный молодой мужчина обратил внимание на женщину, такую на вид одинокую. Она сидела на скамье и казалась потерянной. Он остановился в двух шагах от нее и, обращенный лицом к океану, минуту-другую смотрел вперед, как если бы было что-то там достойное его внимания, потом обернулся, их глаза встретились, он улыбнулся и сказал:

– Уже так поздно, а вы еще на улице.

– Я ушла из дому, – не сразу ответила женщина.

– Правда?

– Хорошо бы и неправда, – не поднимая глаз, ответила она.

Мужчина приблизился и глядя на нее с большим любопытством, сказал:

– Не вижу большой беды в том, что вы ушли из дома.

– Тут не в том беда, что ушла, а в том, что я недовольна.

– Так значит, вы недовольны?

– О каком довольстве тут вообще можно говорить. Я в собственном доме больше не хозяйка.

– Не расскажите, что и как?

– Даже не знаю, почему я должна откровенничать с вами, – глядя во все глаза на незнакомца, ответила женщина. В первую минуту она даже смешалась от такой прямой манеры вести разговор.

– Ну а все же. Что случилось?

– Я не умею о себе рассказывать. Ну, хорошо, наберусь храбрости при вашем любопытстве и буду говорить. Я берусь за трудное дело, потому что не привыкла искать знакомства на улице, а тут приходится быть откровенной, да еще с человеком, который близко наблюдает меня. Последние годы я спокойно жила в родительском доме... Сначала умер отец, а потом, четыре года спустя, умерла мама. Я до сих пор живу под впечатлением этой трагедии. Конечно, я уже успокоилась, пришла в себя и жить бы мне дальше в свое удовольствие. Но полгода назад вернулся мой брат со второй женой. Он на четыре года меня младше, а жена старше его на девять лет. Она жадная, мелочная, нудная женщина. Самонадеянность, с которой она демонстрирует ущербное сознание своего достоинства, не имеет себе равных. Вместо того что бы оговорить домашние обязанности – что ей, а что мне или хотя бы ограничить круг ее обязанностей, мы все дела стали делать вместе. Но чтобы я ни делала, все получалось не то. Совсем недавно она прямо заявила, что в доме не может быть две хозяйки и посмотрела на меня так, будто лишней была я. Представляете себе! Я не чувствую себя виновной в том, что между нами нет согласия. А сегодня у нее разлилась желчь, и мы снова поссорились, вернее, ссору затеяла она, на этот раз из-за забродившего яблочного сока. Видели бы вы какую она устроила сцену. Меня обуревало желание сказать ей в лицо, что она жадная дура, я с трудом сдержалась. Подумать только! А ведь всего то надо было отделать ее дела от моих. Пусть скажут другие: виновата я или нет. Это что-то невообразимое! Словом, я ушла и возвращаться не намерена. Вот рассказала историю своей жизни.

– Собирай розы, пока они есть.

– Что это значит?

– Если не придавать большого значения, то это ничего не будет значить.

– Хороший совет. Вот только как его применить к моей проблеме. Вижу, вы меня не поняли.

–Я понял, что у вас проблема с братом и его женой.

–Проблема в их отношении ко мне. Обидно то, что брат сразу же взял сторону жены и во всем с ней согласен. Вот так и получилось, что я здесь.

–Я обратил внимание, что вы легко одеты и без макияжа.

–Я ношу однотонные платья, а косметикой я вообще не пользуюсь. Я уже вышла из того возраста, чтобы кому-то нравиться.

–Я позабочусь о вас.

–Я не хочу, чтобы обо мне заботились. Я позабочусь о себе сама.

Спустя немного, незнакомец спросил:

–А вы не хотели бы отомстить брату и его жене?

–Что? Вы понимаете, что говорите!

Выражение лица у нее сделалось какое-то странное. Незнакомец со всей учтивостью, на какую был способен, объяснил следующим образом:

–Мне просто нравится мысль, что плохих людей надо наказывать.

–Ой, да все об этом говорят, – махнула рукой женщина.

–Прежде чем сделать вам очень необычное предложение, я хотел бы узнать, насколько вы несчастны, даже если из ваших слов выходит, что вы в отчаянном положении, я все-таки хочу понять, опять-таки из ваших слов, меру вашего одиночества.

–Ах, мои разочарования достигли такой крайности, что я перестала искать себя. В душе пустота, я потеряла волю к жизни. Было отчего прийти в отчаяние. Мне сорок пять, и я ничего не представляю собой. У меня были мать, отец, брат и каждый был какой-то частью меня. Было сознание своего долга. А теперь мне хочется выть от сознания сколь ограниченны мои возможности. Знаете, для меня определяющим условием в творчестве и повседневной работе был и остается смысл... Сейчас смысла нет.

–Вы больше не видите пути к избавлению?

–Все напрасно, – был ответ. – Мне лично будущее не сулит ничего хорошего. Господи! Вокруг столько глупых женщин. Они ничему не учатся. Но есть женщины особенные. Мне нравится считать себя особенной.

–Не объясняйте. Я понимаю. Вы хотите изменить свою жизнь?

–Хочу, но...

–Когда вы сказали, что будущее вам ничего не сулит, я преисполнился решимости повернуть все к лучшему. Как ваше имя?

–Сара- чуть слышно произнесла женщина. Она никак не могла взять в толк, зачем такой благородный и обаятельный молодой человек тратит время на разговоры с женщиной вроде нее. Но при всем том уже при одном взгляде на него нельзя было не почувствовать, что-то необычное в нем.

–Тогда спроси себя Сара, неужели затем ты живешь чтобы влачить дни свои в унижении и терпеть притеснения?

–Господи! Что все это значит? Кто вы?

Можно представить себе, как Сара была поражена, когда услышала:

–Я Вельзевул. Князь тьмы.

–Что!? Вы даже отдаленно на него не похожи! Мне самой по скромности не следует говорить, что вы красивы, но раз уж сказала, то добавлю, что такой мужчина опасен для женщины.

–Для вас тоже?

–Ой, да нет же! Я где-то читала, что дьявол появляется в ударах грома.

–Будет тебе гром, – усмехнулся мужчина. И в ту же минуту небо осветилось вспышкой молнии и воздух сотряс удар грома.

–Не понимаю я. Не понимаю, как это может быть, – растерянно промолвила женщина. – Хорошо. В этом мире я повсюду ощущаю присутствие Бога, а где следы твоего?

Незнакомец, пленивший Сару своей внешностью, на этот раз поразил ее блеском своего ума.

–Конечно, взглянув на землю ты не увидишь след моего раздвоенного копыта, но это вовсе не означает, что меня нет. Тот, кто говорит, что чистилища не существует будет потом смотреть на меня глазами полными слез, когда окажется там. Понятно, что я вхожу в человеческое тело и принимаю его облик. Последний раз, незадолго до того, как началась первая мировая война, я был Йозефом Месшартом, знаменитым пианистом, евреем по происхождению, ему не было тридцати, когда он безупречно исполнял Бетховена, си-бемоль-мажор Шуберта, блистал в музыкальной интерпретации. Я не люблю Вагнера, но в его “Gotterdammerung” есть волнующие темы. Тот юноша был немцем. И вот что удивительно: до него двадцать четыре раза я был молодым человеком в разных странах, естественно, каждый из них являл собой полную противоположность другому, естественно и то, что им вместе было куда меньше, чем – мне одному. Правду сказать, я бессмертен.

Эти слова произвели на Сару глубокое впечатление. Она поняла, что перед ней большой оригинал, с которым у нее было много общего. Однако она не совсем понимала, что происходит.

–Я смотрю в твои красивые глаза и не могу увидеть в них дьявола, – сказала она.

–А между тем я дьявол в облике человека. Собственно, во мне две сущности и отделить одну от другой невозможно. Смотри, твоя фигура бросает тень, а моя нет. Я так же не отражаюсь в зеркале.

Сара посмотрела на свою тень, потом на землю под Вельзевулом и увидела, что его тело не отбрасывает тень.

–Боже, такого быть не может!

–Теперь, веришь?

–Он имеет отдаленное сходство с тобой. Но ты не он.

–Чудо будет доказательством?

Сара смотрела на него во все глаза.

–Ты можешь исполнить мое желание? – спросила она.

–Любое.

–Хорошо. Я хочу увидеть Барбру Стрейзанд.

–Позвать Барбру сюда?

–Ну, нет. Я просто хочу быть на ее концерте.

–Такой несчастной и обездоленной женщине, как ты, я не могу отказать.

– Это чудо! – воскликнула Сара в упоении. – Но как ты это сделал? Волшебный концерт состоялся в 1994 году. Какой она была красивой! Она излучала свет. В ней бездна шарма!

–Ее величие от Бога! Голос ее такой чистый и сильный в особенности отмечен паразитическим богатством вокальных оттенков и в этом отношении она останется величайшей певицей всех времен и всех народов.

–Я не верю, что ты дьявол. Ты Христос в образе человека.

–Что ты! О чем ты говоришь?

–Я всю жизнь мечтала увидеть перед собой Барбру Стрейзанд. Она мой идол. И наконец, увидела! То, что ты сделал для меня, никакой дьявол никогда не сделает. Это так?

–Тут решай сама.

–Ты Христос, сошедший на Землю. Я хочу помолиться в тишине.

–Подожди! Подожди. Не надо молиться. Ты ошибаешься. Я дьявол с головы до ног.

–Докажи это.

–Ты что мало доказательств получила? Какое еще тебе нужно?

–Ты знаешь, какое меня ждет будущее?

–Нет, но знаю, что каждому человеку назначена его судьба.

–Страх перед старостью, вещь очевидная для женщины в моем возрасте. Ты можешь сделать так, чтобы я снова стала молодой?

–Если это будет твоим вторым желанием.

–А сколько желаний ты можешь исполнить?

–Только три.

–Я благодарна тебе за то, что ты выбрал меня.

–Особой заслуги с моей стороны тут нет. Ты тому причиной, а не я. Я сразу увидел, что ты особенная.

–Правда! Спасибо. Я могу так много. Нет ничего такого с чем я не справлюсь. Для меня жизнь – это мое служение красоте.

–Тебя это, наверное, удивит, но о себе я могу сказать тоже самое.

–Не уверена, что могу удивить тебя, но все же скажу: я чувствую дьявола не только в окружающем мире, но и в самой себе. Он какая-то часть меня.

–Чему здесь удивляться, ведь я в каждом человеке с момента его рождения.

–Ну да. Почему-то об этом я не подумала. Знаешь, я бы могла.

–Что?

–Жить против совести. Честная жизнь далась мне дорогой ценою. Вот так! Что ты делаешь в Нью-Йорке?

–Я не знаю в мире другого города, который вселял бы в душу такой восторг и вдохновение. Я живу во всех столицах Европы и для меня нет большей радости, чем возвращаться в Нью-Йорк. Здесь такая насыщенность духовной жизнью. И потом в этом городе я всегда хорошо себя чувствую.

–Я думала, что только Бог любит Америку.

–Представь себе, и дьявол тоже. Мощь, великолепие, изобилие, величие, трудолюбие, порядок, красота, все это наличествует в Америке. А природа здесь какая! В 1901 году в Америку приехал на гастроли великий испанский виолончелист Пабло Казальс. Я вошел в тело Раймона Дункана, который подготовил поездку. Он, кстати, был братом сумасбродной Айседоры Дункан, она уже при жизни стала легендой. С нами тогда была жившая в Париже американская певица Эмма Невада, она, между прочим, познакомила меня с Верди. Пабло был переполнен восторгом, Америка произвела на него огромное впечатление: как-то мы пили кофе в гостинице, кажется Филадельфии, и он сказал: «Никогда еще не был я так потрясен величием и разнообразием природы, никогда с такой силой не чувствовал неукротимость духа тех, кто покорял и обживал эти пространства. Меня здесь охватывает уверенность, что человек может осуществить свою мечту, ведь все, чего ему не достает для счастья, возможно на этой земле». Я не поручусь, что это были в точности те слова, которые в тот вечер сказал Казальс, посему будем считать, что они прозвучали в исправленной редакции, которая очень близка к оригиналу.

–Слушать тебя – наслаждение, – проговорила Сара. После этих слов она вздохнула всей грудью.

Наступило недолгое молчание. Вельзевул первым нарушил его. Он спросил:

–Домой ты, конечно, не пойдешь?

–У меня нет больше дома. Сколько раз тебе говорить.

–Хочешь пойти ко мне? Я живу в двух кварталах отсюда.

Сара пожала плечами и стала смотреть в сторону.

–Ты можешь остаться здесь, на этой скамье или пойти со мной.

С тем же отстраненным видом она продолжала смотреть куда-то вдаль. Ее обуревали сомнения. А тут еще предстояло принять приглашение. Сара смутно понимала, что произошло событие, которому суждено как-то повлиять на ход всей ее жизни. Неужели встреча с дьяволом была поворотной в ее судьбе?

–Уже поздно, а я ничего не ела, – только и сказала она.

–Рядом с моим домом есть ресторан.

Когда они были в ресторане Вельзевул сказал то, что должен был сказать.

–Послушай, Сара. Мало кто из смертных входил в мой дом, а тем, кого я принимал я предлагал, как водится, заключить со мной договор.

–И не было случая, чтобы кто-то не соглашался?

–Соглашались все, без исключения.

С минуту Сара молчала. Наконец, с трепетом душевным, она отозвалась:

– Вот знать бы только, что я теряю?

–Ничего. Сделка со мной – скорее награда, чем обещание счастья. Давай не будем отвлекаться.

– Ладно. Какие условия?

–Собственно, это и условием не назовешь. Давай так. Ты будешь жить в моем доме до тех пор, пока я не исполню твое последнее желание. После этого тебе нельзя будет больше оставаться со мной.

–Но соглашение должно быть двусторонним, – возразила Сара.

–Справедливо, – согласился Вельзевул.

–Итак, я уйду от тебя сама, когда захочу и только после того, как узнаю твою тайну?

–Сара, то плохое, что во мне есть я не скрываю. В этом разница между человеком и мною. У меня нет тайны, можешь мне поверить.

–Понимаешь, у каждого есть своя тайна и у тебя тоже, – настаивала Сара на своем. – То, что я узнаю, будет ни на что не похоже.

–Меня томит недоброе предчувствие, – лукаво улыбаясь произнес Вельзевул. Он был немного удивлен тем, что ходом беседы сразу и полностью завладела Сара. Удивительное дело!

А между тем эти слова и тон, которым он их произнес ободрили ее. Более всего Сару радовало сознание, что Вельзевулу очень дорого его дьявольское достоинство.

–Не знаю почему, но я почти уверена, что тайна эта сокрушит тебя.

На полминуты Вельзевул даже растерялся. Он не мог ничего возразить – столь решительным было утверждение.

–Я – дьявол. Меня сокрушить нельзя. Со дня сотворения мира так было и так будет.

–Да бог с тобой! Отчего же? Уже, вижу, как все твои доводы разлетаются на куски под напором доказательств – в лучшем случае. Между нами говоря, ты не тот, кого называют Царь мира.

–Кажется, возникло дело, которое требует твоего присутствия в моем доме. Что ж, закрепим договор простым рукопожатием.

И они пожали друг другу руки.

С минуту Сара сидела молча, уставясь в темноту. Затем вздохнула, устремила на Вельзевула пристальный взгляд и бросила как бы в сторону:

–Странная вещь.

–Что? – с легкой улыбкой спросил Вельзевул.

–Я как будто всю жизнь тебя знаю.

–Прошу тебя, не думай об этом. Я прежде всего дьявол и лишь затем уже человек.

–До встречи с тобой жизнь у меня была совсем беспросветная! Вот о чем я думаю.

–Увидев тебя одну на скамье я понял, что ты в трудном положении...

–Да, горько было мне в те минуты. Знаешь, я верю в тебя, как верили в Моисея те, кто шли за ним.

–Разве Моисей, когда разбил скрижали, не сказал своим левитам: «Ну-ка, перебейте всю эту сволочь!»

–Он так сказал? – проговорила Сара, смущенная шуткой Вельзевула.

–Терция и квинта не создадут гармонию, если из безупречного аккорда убрать октаву, – сказал он, смеясь.

–Я ничего не поняла.

–А что тут понимать, противоположности могут иногда гармонично сочетаться. С женщиной и женщиной дело обстоит точно так же.

–И что с того? – удивилась Сара.

–Чтобы хорошему делу сложиться, не обязательно нужна пара. Это как трио теноров в оперном пении.

–Все это загадки!

–И эклектика.

–Но при чем тут трио и оперное пение?

–Трио – это ты, я и дьявол, а мы оба любим оперу.

–Будь очень добрым и скажи, что ты пытаешься сказать.

Тут блуждающий взгляд Вельзевула остановился на Саре с искренним дружелюбием.

–Мне все время приходится что-то тебе объяснять. Я всего лишь хочу сказать, что ты женщина, которая может и умеет быть счастливой без мужчины.

–Если бы ты знал сколько раз я поднимала свой голос против них! Я их не выношу! Тебе этого не понять, ты ведь тоже мужчина. С тех пор как меня бросил Клинт, я больше не верю, что у мужчин есть сердце.

Вельзевул рассмеялся и сказал:

–Прежде всего, я подарю тебе новое платье.

–Мне нравится это.

–Но из этого ты, Сара, уже выросла.

Примерно так весело и непринужденно протекала их беседа. В этом настроении они покинули ресторан и направились по ночной улице в сторону дома Вельзевула. По пути туда Сару больше всего занимала мысль, как быть с достоинством, чтобы Вельзевул ни в коем случае не догадался, что она добровольно принимает любовь дьявола, ведь доводы, найденные ею, казались недостаточными и в особенности мало убедительными. И в самом деле, идти к одинокому незнакомому мужчине домой весьма неосмотрительно. Что это – опрометчивость? Очень уж она хотела, чтобы у него сложилось возвышенное представление о ней. Пусть бы он увидел в ней исключительную женщину, причем такую, о которой даже дьявол имел бы лишь слабое представление. Вельзевул произвел на нее столь благоприятное впечатление, что причина его интереса к ней, оставшаяся невыясненной, мало волновала ее.

2. У Вельзевула был лофт на Атлантик-авеню в старинном здании, на третьем этаже. Пять просторных комнат были обставлены роскошной антикварной мебелью. Самой красивой была гостиная, здесь высокий потолок и большие окна давали обилие воздуха и света. Преобладающие светлые оттенки в интерьере гармонично сочетались с кирпичной стеной и деревянными балками. Не смотря на потертые дубовые полы и облезлые оконные рамы квартира впечатляла своей изысканностью и уютом. Все в его доме свидетельствовало, что хозяин обладает глубоким восприятием красоты. Каждый предмет обстановки, как будто говорил об этом, а все вместе, утверждали за ним не только умение выделять благородное, но и способность елико возможно находить средства самовыражения. Какая бездна вкуса! И все это, позволю себе заметить, у существа, силы которого были обращены на то, чтобы сеять смерть и разрушение.

–Ты пока посмотри все тут, а я переоденусь и сделаю чай. У меня есть зеленый с жасмином от Харни и сыновья. Самый лучший. Красный «Золотая обезьяна» от Тивана и травяной от Целестиал Сиасонс с мандариновой корочкой. Какой для тебя?

–С жасмином.

–Хороший выбор.

Оставив Сару одну, Вельзевул удалился. Сара осмотрела все комнаты и вернулась в гостиную. С того места, где стояла, невольно посмотрела она на себя в узкое венецианское зеркало. В тяжелой резной раме со следами позолоты оно стояло с небольшим наклоном к стене и имело на поверхности мутные разводы. Искаженное отражение наполнило женщину безысходной тоской, но как ни терзал ее сердце мучительный вопрос, неотвязно преследовавший ее: «Что я делаю здесь?» она была положительно неспособна к действию. Ею владело странное чувство, в нем смешались грусть и страх. Не только оттого, что она не понимала себя, но оттого также, что она была склонна воспринимать любое неожиданное событие как угрозу своему благополучию. Неужели так оно и случилось! Кто она такая, в конце концов? Обычная женщина, да к тому же еще и не молодая. Шли годы, все планы ее рушились один за другим, денег не хватало, она больше не верила в себя, родители умерли – как тяжело было жить без них, а тут еще, кроме всего прочего, одиночество и разочарования угнетали своей безысходностью. Она была уже близка к нервному истощению. И надо же было такому случиться, чтобы вернулся домой брат со второй женой: их появление доставило ей радость, она хотела быть им нужной, но почти всегда встречала сопротивление, словом, все складывалось против нее и постепенно она перестала верить, что у нее все будет иначе. И вот когда наконец появился проблеск света, она, уже устав добиваться своего в таких условиях, вдруг ощутила безотчетный порыв уйти, убежать отсюда. Но бежать куда? От кого? Вельзевул покорила ее. С ним она в безопасности. В нем воплотились для нее величие и красота всего мира. Он был так многосторонен, что, казалось, он объединяет в себе одновременно несколько личностей, каждая из которых была исключительной. Да он просто явление! А сколько доброты он проявил по отношению к ней, осуществил ее мечту, принял участие в ее судьбе, не иначе, чтобы способствовать счастью, пожелал отомстить, дабы восстановить ее в правах, привел в свой дом, сейчас готовит чай. Да, что он за дьявол такой! Эти мысли в уютном полумраке богатой квартиры стоили ей такого напряжения, что она была не в силах стоять на ногах. Она села в кресло, обитое пурпурным бархатом, не только ради удовольствия быть в нем. Потом переместилась на диван и уже сидя в удобной позе подняла глаза и увидела на потолке, обрамленным позолоченным карнизом, какие-то слова, написанные готическим шрифтом. Коричневые слова были украшены завитками. Она прочла первые два слова *Qui vera* и тут услышала из кухни:

–Зажги свечи Сара и садись за стол.

Прошло несколько минут и в полутемную комнату вошел хозяин. Он переделался в удобную домашнюю одежду, на нем были белая рубашка с кружевами, кашемировый кардиган цвета коралла, серые брюки в тонкую голубую полоску из тончайшей шерсти и тапочки из лилового бархата. Вельзевул поставил на стол серебряный поднос с бутылкой лимонного ликера и шоколадными пирожными и, улыбаясь, поставил перед Сарой старинную фарфоровую чашечку с блюдцем. Он стоял рядом, и она с наслаждением вдохнула густой и насыщенный аромат его духов. Это был запах богатства, царственной роскоши и вместе с тем утонченного величия. У нее сердце упало от какого-то смутного, беспокойного, но приятного чувства. Это неясное чувство не давало ей покоя. Не нравилось Саре, что она зависима от Вельзевула, слишком развито у нее чувство собственного достоинства. В молчании прошла минута-другая. Избегая смотреть на Вельзевула, Сара подняла глаза к потолку и едва слышно сказала:

–Там что-то написано. Кажется, по-латыни.

–По-французски.

–Да. А что?

–Мой девиз: «Кто увидит дьявола, тот полюбит его».

Слова эти, так поразившие слух, лишили женщину самообладания, она устремилась на Вельзевула проникновенный взгляд и, глядя на его ухоженное, красивое лицо, на его лилейные пальцы, утопавшие в волнах батиста, почувствовала, что готова к самопожертвованию. Сколько нежности и притязательности в этом девизе, полном благоговения перед жизнью и

человеком и в то же время пронизанном ощущением силы! Эти слова так много говорили сердцу. Неужели только дьявол оценивает человека, исходя из того, какие заложены в нем возможности? В том, что Вельзевул выбрал ее, нет ничего удивительного. Да, она станет его женщиной, она принесет ему дары, достойные ее природы. Ее любовь будет гимном во славу дьявола! Он вдохнет в нее жизнь. Она обожествит силы, присущие бессмертным. Вместе они достигнут вершин прекрасного. Такое проникновение в сущность красоты – это значит полностью понимать ее содержание, невозможно без возвышенного наставника и руководителя. А кто постиг душу красоты лучше, чем дьявол? Кто лучше расскажет о ней, не убеждая в достоинстве своих суждений? Опять-таки он! Невозможно представить себе мир без него! Сара вспомнила своего первого мужа Джулиуса, с ним она прожила пять лет и все эти годы не переставала удивляться его рабской готовности ей подчиняться. Ленивый и женоподобный он имел обыкновение читать в постели и есть пищу перед телевизором. Он любил триллеры и комедии, но страстью его были вестерны. У него не было никаких талантов, кроме одного, довольно необычного, требующего усердия: он умел вышивать по канве, поэтому стены дома были увешаны его однообразными шелковыми вышивками. Он был своего рода чудо, очень добродушный, считал всех своими друзьями, удивительно тихий, робкий – кроткий как кролик и такой же мягкий, словом, диванный муж: Сара терпела его до тех пор, пока могла глумиться над его слабостями. Когда Сара возвращалась с работы, обычно она с порога кричала: «Ты дома, солнышко?» и слышала с дивана: «Да, мамочка». Конечно, с Вельзевулом все будет иначе. Придется ей ему подчиняться. Что ж, пусть он будет дирижером, хоть ни разу в жизни не взял ни одного урока музыки, а она станет его симфонией, как-никак повелитель тьмы он. Так рассуждала увлеченная своими фантазиями женщина, которая любила лишь ту музыку, какую исполняют в кино, и которая не только ее изумляет мелодической насыщенностью. А Вельзевула, как я не мог не заметить, вдохновляла классическая музыка, в особенности великие творения Бетховена, Моцарта, Чайковского. Из современных композиторов Вельзевул выше всех ставил Леонарда Бернштейна, он даже финансировал Тэнглвудский музыкальный центр, где великий композитор преподавал до самой своей смерти в 1990 году. Мюзикл «Вестсайдская история» бриллиант среди мюзиклов, это совершенная музыка высочайшего порядка. Вельзевул даже написал небольшое эссе: «Бернштейну, слово признания». Это небольшое по объему сочинение заканчивалось такими словами: «Американская культура не только общечеловечна и грандиозна, она, скажу больше, изумляет своим многообразием, и это далеко не все. Этот культурный океан воплощает высокий дух великого народа, для которого справедливость и свобода не пустые слова. Такая мощная, яркая, жизнеутверждающая культура могла возникнуть только в стране, где процветание и накопление материальных благ и всеобщая тяга к музыке неразделимы. А за всем этим стоит очень многое».

3. Могу только сказать, не имея возможности знать все обстоятельства, что Вельзевул уходил из дома обычно вечером, а возвращался утром, поэтому он просыпался поздно. Ну, как поздно? В полдень. Из спальни он не выходил раньше этого времени. Хуже всего было то, что Сара завтракала почти всегда одна.

Его не было два последних дня, но в Сочельник она ждала его возвращения и была к нему подготовлена. Любимым цветом Вельзевула был серый: желая угодить его вкусу Сара купила в магазине Лорд и Тейлор на Пятой авеню вечернее платье с пайетками от Донны Каран. Розовой помадой нарисовала губы, нанесла на лицо тональную основу и консилер, сверху которого положила сухую пудру. Чтобы подчеркнуть цвет глаз пальцами нанесла на веки лиловые тени. Волосы она заплела в косу, скрутила и собрала в пучок, закрепив шпильками. Преображение было удачным и Сара, любясь собой, не отходила от зеркала, вставала перед ним в разные позы. Шикарному виду соответствовал роскошный парфюм Private Collection от Эсти Лаудер. Образно говоря, Сара купалась в божественном аромате этих духов, с наслаждением

вдыхая травяные ноты, в которых угадывала или хотела угадать ноты гиацинта, липового цвета, резеды, жимолости и дубового мха. Впервые за долгие годы она была довольна своим видом и это вскружило ей голову. Что и говорить. В ожидании Вельзевула она не могла найти себе места; бродила по комнатам, бросая взгляды на часы, то и дело подходила к столу, сервированному к ужину, долго рассматривала офорт с видом виллы Фоскари в Ла Мира, потом, прислонившись плечом к стеклу, смотрела из окна на улицу. Было тихо и безветренно. Она смотрела на снежинки и подумала, что она может сказать о них лишь то, что они появляются в небе только затем, чтобы упасть на землю. А между тем в круглых подсвечниках из гладкого стекла горели свечи, а мягкие, задушевные голоса Дж. Гарленд, Ф. Синатры, Б. Кросби, Ната К. Кула и чарующие звуки музыки из таких песен как *Single Beels*, *Silent Night*, *The First Noel*, *White Christmas* наполняли комнату гармонией и светлой радостью великого праздника.

Было за восемь вечера, когда пришел Вельзевул в хорошем расположении духа. Он с порога метнул на Сару удивленный взгляд и потом еще продолжал разглядывать ее с тем же чувством. Он даже представить не мог, что Сара может перевоплотиться в себя элегантную и сексуальную. Это казалось ему фантастическим и... безрассудным. Цени телесную красоту, он никогда не видел ее в одряхлевшем теле. Но отчего бы не дать Саре сделаться красивой, если ей так этого хочется? Саре польстило его замешательство, она сделала вид, что ее не заботит ни ее внешность, ни изумление Вельзевула, но про себя подумала: «Подожди, я тебя еще не так удивлю». Надо отметить, что в ее радости при виде Вельзевула было нечто эротическое. Он переоделся в домашнюю одежду, умылся розовой водой и бодрый сел за стол, продолжая удивляться всему, что видел. Перед ним были салат Цезарь, стейки под брусничным соусом, фрукты, апельсиновый сок и бруклинский Чизкейк. Мог ли он думать, что женщиной движет намерение основательно водвориться в доме? По случаю праздника на столе было меритажное вино *Dominus Napa Valley*. Вельзевул наполнил бокалы, взял свой и подняв его, вдохнул аромат.

–Вино это достойно королей, – отметил он.

Затем устремил на Сару пристальный взгляд и сказал:

–За тебя, Сара. Я приятно удивлен всем, особенно тобой!

–Мне хочется видеть тебя довольным. Чего там! Я готова сделать все, что зависит от меня. Ты знаешь, как много я могу!

–О, уж мне ли этого не знать, – спокойно сказал он ей.

Они выпили и поставили бокалы перед собой.

–Начнем с салата. Цезарь – отличное блюдо. Я сделала его по классическому рецепту, но немного по-своему, добавила чуть больше пармезана, чем полагается.

–Этот вкус – дар эпикурейству. Ты не говорила, что умеешь готовить.

–Я многое о себе не сказала, дорогой. Тебе надо узнать меня лучше.

Сара впервые употребила слово «дорогой» в отношении Вельзевула, и он не мог оставить это без внимания. Его доброжелательность разрешила все трудности положения: исчезло чувство принужденности: как все женщины Сара имела склонность отдаваться первому впечатлению, она все еще робела перед ним, немного терялась, плененная его значительностью, однако сейчас, она осмелела настолько, что совсем забыла муки скромности и свою зависимость от него.

–Не могу привыкнуть к тебе такой.

–Стало лучше или хуже? Я тебя спрашиваю, макияж мне совсем не идет?

–А я говорю тебе, что ты просто стала другой. Вот и все. Зачем тебе понадобилось красить лицо?

–Если ты не понял, зачем объяснять.

Сказав это, Сара вдруг сделалась серьезной, прикрыла лицо рукой, с минуту сидела молча, потом положила салфетку на стол, встала и направилась на кухню. На Вельзевула нашло

какое-то оцепенение. Я мог бы сказать, что он был в глубоком раздумье. Вот только никаких мыслей у него в голове не было. Он просто перестал понимать, что происходит. Да и что тут понимать? У женщин много глупых причуд – не считая того, что каждая любит на свой необузданный манер. Это уж несомненно! Наконец, он повернулся на месте, положил локоть на верх стула и стал смотреть в сторону кухни. Сара не возвращалась. «Что она там делает? – подумал он и вслед за ней пошел на кухню. Сара сидела в слезах склонив голову на руку. Он сел рядом, совсем не зная, как ее утешить.

–В чем дело, – спрашивает.

Не поднимая голову, Сара сказала:

–Дело вот в чем. Я дура, хотела быть красивой для тебя.

–Прости. У меня нет чувства происходящего.

–Ты тут ни при чем.

–Но как же так?

–Я наказана за свою самонадеянность.

–Сара, я хочу, чтобы ты была красивой для меня.

–Правда, хочешь?

–Да, – ответил Вельзевул. Хотя на самом деле, он чувствовал, что принужден отдать должное ее усилиям.

–Ах, – смахнув слезу, проговорила Сара с глубоким вдохом. – Я не очень привлекательна и уж тем более не так молода, как ты.

–Сара, я старше египетских пирамид.

–Очень смешно, – улыбнулась сквозь слезы она. – Все время забываю это.

–Да и я тоже. Я не осознаю свой возраст.

–У тебя доброе сердце. Ты изыскан, умен. Ты безупречен. Человеческое и дьявольское в тебе дополняют друг друга.

Сказав это, Сара умолкла. Она по-прежнему была уныла и расстроена.

–Знаешь, иногда я отвратителен самому себе. Как сейчас.

Говоря так, Вельзевул потянул ее за руку и увлек за собой. Когда они вошли в гостиную, в полумраке которой мерцали огни свечей, откуда-то взялась музыка. Вельзевул заключил Сару в объятия и под нежную, полную проникновенных обертонов песню For the good times в исполнении Peggy Soto, они стали вальсировать. Сара была до такой степени взволнованна, что совсем потеряла голову и заплакала без причины; по крайней мере осмысленной и серьезной.

В сущности, что могло расстроить ее больше, чем жалость к себе самой. Она теснее прижалась к Вельзевулу, не чувствуя, что он обессилен морально и физически.

Слезы. Женщины. Этими мокрыми уловками начинаются и кончаются все их сцены. Они тогда еще жили в согласии, и такая сцена не могла быть ей или ему в ущерб. Сара вздохнула на груди Вельзевула не без мысли, что слезы сведут его с ума. Тем лучше. В эту волнующую минуту ей всего больше хотелось, чтобы Вельзевул проникся мыслью, что она – самая удивительная женщина, какую он когда-либо встречал. А между тем в этих слезах не было ничего особенно трогательного, и Вельзевул лишь вздрогнул от какого-то смутного ощущения. Он не мог не чувствовать уязвимость своего положения. Может показаться, что Вельзевул избегает женщин, а в тех случаях, когда это невозможно, он играл стойка перед ними. Судите о нем, как хотите, не забывайте только, что он дьявол. В интересах истины я должен сказать, что его склонность к женщинам была сомнительной, а восхищение ими – умеренным, чем видимо исключается полигамия.

После танца, который Сару сделал несчастной от избытка счастья, она пронзила Вельзевула сладострастным взглядом и взяла с каминной доски коробочку, упакованную в золотую бумагу с теснением.

–С Рождеством, дорогой.

Вельзевул покорно принял поцелуй в щеку. Подарком ему были духи Марк Джекобс.

–Твой подарок в спальне, – сказал он.

–Что там?

–Иди и посмотри.

Через две минуты Сара вернулась с букетом полевых цветов.

–Господи! Как это возможно? Ромашки, ирис, люпин, аквилегия, василек синий, гвоздика и все в одном букете! Откуда ты знаешь, что я обожаю полевые цветы?

–Я же дьявол, забыла?

–Я без ума от тебя!

Сказав это, Сара с наслаждением вдохнула густой аромат цветов и опять издала протяжный стон на выдохе. Вельзевул стоял рядом, и она сжала его руку выше запястья.

–О, Вельзевул, я знаю, ты, конечно, будешь все отрицать, но признайся, что ты любишь меня. Ну, хотя бы восхищаешься мной! Да, да. Я видела знаки твоей увлеченности. Пусть даже чувство утопало в каком-то смешении лукавства, притворства, показного безразличия, которое тебе нравится напускать на себя. Это странная, неожиданная любовь тебе вдохновила – ты принес мне зимой полевые цветы! Не скрывай свои чувства, не дай угаснуть в себе этой любви ко мне!

Едва опомнившись от столь поразительного монолога, он спросил:

–Скажи, по дороге сюда ты нигде головой не ударилась?

–Ах, сама не знаю, что говорю. Я благодарна тебе за ту радость, которую ты доставил мне. Чтобы ты ни говорил, мы могли бы жить вместе...

–В Аду, – присовокупил Вельзевул. – Там места хватит всем.

Он усмехнулся и двинулся к дивану, положил подушку под голову, лег на спину и вытянул ноги со словами:

–Было много дел. Я как выжатая губка.

Сара присела у его ног и положила букет на колени.

–Устал? – спросила она.

–Да. Если бы ты знала, как трудно быть дьяволом.

–Ах, Вельзевул, бедный ты мой!

После этих слов, в которых сквозила чуть ли не материнская жалость, Сара погрузила лицо в цветы. Потом запрокинула голову и не открывая глаз воскликнула:

–Боже! Когда же я была счастливее, чем теперь! Это какое-то волшебство!

–Тебе во всем видится волшебство.

Сара опустила руки вдоль тела, повернула голову к плечу и внимательно посмотрела на такого ей родного и близкого по духу мужчину.

–Ты не находишь, что мы похожи друг на друга? – спросила она.

–Как это? – не открывая глаз спросил Вельзевул.

–В тебе живут две разные личности. Одна – пессимист, для которого жизнь мрачная неизбежность, другая – артистическая натура, утонченная, благородная, а я – проекция тебя второго.

Тут он открыл глаза и не зная, как отнестись к этим словам, воскликнул:

–Только этого еще не хватало! Жизнь, которую я веду, принадлежит только мне. Мой опыт является суммой дьявольского предназначения. Я доволен своей жизнью, и мне не нужна родственная душа, которая разделила бы ее значительность и красоту.

Слова эти возмутили Сару, и вполне справедливо.

–Что ты знаешь обо мне?

–Тождественность человеческих существ ведет к тому, что изучение страстей и слабостей одного человека позволяет прояснить особенности всех остальных.

–Неужели ты никогда не испытывал желание сблизиться с женщиной?

–В любви люди взаимно подавляют друг друга. В дружбе больше положительного. Движущая сила дружбы – преданность. Но это чувство всегда обязывает к чему-нибудь.

–Эти цветы. Ты сделал то, что доставило мне удовольствие.

Растроганные интонации, однако, не оказали на Вельзевула никакого впечатления.

–Не могу сказать, почему, – бросил он.

–Я тебя знаю. Ты никогда не выскажешь полностью, то, что хочется. Ты прожил тысячи лет и никогда не чувствовал себя любимым. Это ужасно!

–Любовь – слабость, она делает мужчину зависимым, ревнивым, подозрительным...

–Любовь делает всех счастливыми!

–Как подумаю про поцелуи, слюни, похоть, так сразу плевать хочется. Моя природа исключает все это.

–Почему ты выбрал меня?

–В оценке людей, как и человек, я руководствуюсь личными пристрастиями, будь то симпатия, отвращение, любопытство.

–Ты презираешь людей, особенно женщин за их противоречивость. Но в тебе самом немало противоречий. Я удивлена, как до сих пор ты не потерял терпение от своей многоликости.

–Это мнение – плод ложного представления обо мне. Выкинь все это из головы.

–Ты боишься быть откровенным со мной. Вот и все.

–Я вел откровенные разговоры со многими женщинами. Мало кто помнит теперь Сафо с острова Лесбос, Клеопатру, Екатерину II, Элеонору Рузвельт, Маргрет Тэтчер, Мадлен Олбрайт. Но никому из них я не сказал всей правды. И тебе не скажу.

–Ты хоть раз, один единственный раз испытывал влечение к женщине?

–Я меньше всего создан для роли любовника. При все том должен сказать, что мужчина не может любить женщину больше, чем себя самого. Насколько я сейчас еще могу вспомнить, Роберт Сауди как-то сказал Шелли, который в то время разрывался между женой и любовницей: «Мужчина должен уметь ладить с любой женщиной. Я ведь не расстаюсь со своей женой. По-моему, в конечном счете, семейная жизнь у всех одинаковая. Выбор женщины ограничен, да и разницы между ними, признаться, тоже нет никакой».

–Может быть, он прав, – согласилась Сара. – Но это никак не общее правило.

4. Сара даже не знала, что подумать, когда в гостиную вошел Вельзевул в довольно-таки странной одежде. Так одевались, следуя моде в прошлом веке. На нем был темно-коричневый шерстяной пиджак, кроем и фасоном изобличавший его чикагское происхождение, белый воротник, непомерно широкие полы, чулки, словом, нечто причудливое и свободное в обшлагах. Он встал перед ней и скрестил на животе руки: глаза его икрились лукавством, в уголках губ пряталась улыбка. Он веселым видом своим хотел показать, что сейчас он в образе.

–В некоторых отношениях мне нравится быть квакером, – пояснил Вельзевул.

–Смею вас спросить, сэр, – сказала Сара в манере того времени. – Что тому причиной?

–Обратитесь к лидеру нашей общины, он объяснит, – в той же учтивой манере отвечал Вельзевул. – Квакеры, как никто другой, умели жить в полном соответствии со всеми законами природы.

–У тебя есть талант к подражанию. Фантазия твоя неистощима!

–Тут не в фантазии дело, а в выборе. Если бы я мог жить человеческой жизнью, мне бы не пришлось искать себя. Есть община, которая мне очень близка по духу, я говорю о мормонах. Все у них мне нравится.

–Иногда мне кажется, что ты являешь собою тип вечного юноши.

–Хорошо сказано.

–Послушай, раз ты можешь возвращаться в прошлое, почему бы тебе не прожить жизнь какого-нибудь квакера, себе в удовольствие.

–Прошлое неизменно. Я не могу втереться в уже завершенное событие. Но я могу присутствовать наблюдателем: возможности самостоятельно участвовать в судьбе какого-либо человека у меня нет. Сейчас XXI век, я соответствую своему времени, поэтому я могу вмешиваться в ход любого события мирового значения, могу вредить, мешать, направлять, влиять, определять, что-то завершать.

–Одна особенность, характеризующая тебя как романтика, возможно, больше, чем что-либо другое, проявляется в твоей отчужденности. Тебе неуютно в наше время, ведь так.

–Да. Я нахожу современный мир пошлым, стремительным, много всего искусственного, фальшивого, сейчас время жирных паразитов, так я называю политиканов. Поэтому я так часто убегаю в прошлое.

–Каким образом?

–Через музыку. У меня есть ложа в Метрополитен-опера. Я был на всех премьерах, включая величайший концерт всех времен и народов, который состоялся в 1983 году в честь столетия первого театра мира.

–А что ты играл вчера?

–Сонату си минор Листа.

–Спасибо, что ты со мной делишься не только своими знаниями, но и духовным богатством. Скажи, а прошлым есть твое любимое время?

–Само собой. Поскольку я люблю музыку, а самым насыщенным музыкой периодом был 19 век, – время полное красоты, да еще и литературу, то мне не приходится раздумывать над тем в какое именно время мне хочется вернуться. С трепетом и нетерпением я возвращаюсь в Париж. Время между 1830 и 1840 годами. Только представь себе сколько великих людей жили в одно время и встречались друг с другом в этом прекрасном городе: Паганини, Фр. Шопен, Ф. Лист, Г. Берлиоз, Р. Вагнер, Мендельсон, Шуман, Эжен Делакруа, О. де Бальзак, Ж. Санд, В. Гюго, А. Дюма, Г. Гейне, Вебер, Шатобриан, А. де Мюссе, Проспер Мериме, Сент-Бев, Ламартин, Дженни Линд – шведская певица, она обладала голосом огромного диапазона, отличавшимся красивым тембром и кристальной чистотой. Иоганнес Брамс, Антон Рубинштейн, великий тенор Рубини, Жозефина Фодор и многие другие. Париж был тогда центром духовной жизни Европы.

–А ты был в Мулен Руж?

–Разумеется. Причем в золотое время, когда там блистала Ла Гулю, танцовщица незаурядная, у нее было свое, ей одной присущее обаяние. Ну, и, конечно, Лотрек. Он приходил по два-три раза в неделю. Кажется, он жил в доме на рю Пигаль. До сих пор помню, громахает оркестр в большом зале, горят все лампы, большинство присутствующих – иностранцы, они полностью отдаются волшебству музыкального водоворота, Ла Гулю как вихрь, кружится в бешеном ритме, потом в прыжке вскидывает ногу и с визгом садится на шпагат. Какими словами можно охарактеризовать ее стиль? И был ли у нее стиль. Куда более важно другое: – она умела создать нужное настроение. Эта вздорная, надменная и безнравственная манера вести себя доставляла ей шумный успех у грубых душ, наводнявших залы подобных домов. Им нравилась ее наглая и нелепая претензия на исключительность. Лично я видел в ее попытках олицетворять нескромность некую артистическую одержимость. Что до Лотрека, он был необщительным, сидел всегда один, много пил, но он видел, понимал, чувствовал все, что творилось вокруг. Тогда он был малоизвестен и возбуждал внимание лишь тех, кто слышал о его уродстве. К чести американцев, они раньше других оценили гений Лотрека и стали покупать его работы. Позднее состоялась выставка его картин и один проницательный финансист с Уолл-стрита сказал: «Я не нахожу, что его картины мало пригодны для моего дома, Фанни. В гримах его женщин есть боль, а сами работы дышат возвышенной печалью». «Но художник груб, он

рисует распутных женщин», – возразила ему молодая спутница в соломенной шляпе. «Давно ли вы стали безразличны к страдающей душе, обездоленной судьбою? Да, манера груба, но ее оправдание – в гениальности художника. Другие художники видят назначение в том, чтобы вознести свой талант на те высоты, откуда он будет виден всем, но Лотреку не нужна слава, он не думает о бессмертии, не испытывает страха перед величием божьим, он честно рисует то, что чувствует. Его сердце, пронзенное сотней стрел, истекает кровью. Не забывайте, что творчество – единственное утешение великих людей склонных к уединению. Там их счастье. Может быть, позже вы полюбите его, но не за то, что он аристократ, вы просто обнаружите, что природное благородство Лотрека сообщает прелесть любой детали в его картинах». Это объяснение отнюдь не обескуражило Фанни и она, выражая наивную веру в гений художника, сказала с воодушевлением: «Теперь я его понимаю!» Я был и в тот вечер, когда за столиком сидел принц Уэльский, будущий король Эдуард VII. Забавная вышла сцена – Ла Гулю, как обычно ярко накрашенная, замечательно вульгарная, одетая без вкуса, неизменно в своих рваных чулках кружится в танце, не всегда попадает в ритм, она часто позволяет себе вольности, но ей все прощительно, она звезда Мулен Ружа, так вот, она знает, что в зале высокородный принц, и как бы непроизвольно движется во время танца к его столику, а когда оказывается рядом, бросает в него озорной горящий взгляд, который мог озарить светом самый темный подвал, и кричит: «Эй, Гэльский, с тебя шампанское!» Если учесть, что слова обращены к английскому принцу, это довольно вызывающий жест. Но Ла Гулю великолепна, эффектна и может себе позволить быть дерзкой со всем блеском своего жеманства. Она часто попадала в скандальную хронику. Я видел, что принц был приятно обезоружен ее непристойностью. На другой день за обедом он одному барону сказал весьма изысканно: «Желал бы видеть я снова Ла Гулю, а там уже манит меня причудливый Мулен Руж. Эта женщина непристойна, больше, чем допустимо. Но именно в этом ее очарование». Однажды какой-то журналист, чей посредственный ум находил ее чересчур распутной, возмутил Ла Гулю своим порицанием. Она быстро нашла блистательные слова для ответа: «Что за вопрос?! Черт бы побрал всех этих газетчиков! Мне все можно. Я глуха к голосу рассудка, это у меня от матери. О отце своем, не знаю, что и сказать. Он был заклинателем змей. И вообще, я дивный цветок ночи – да что там! – я прекрасное творение господ бога».

Вельзевул умолк опечаленный. Через минуту, он поднял глаза на Сару, покачал головой и произнес:

–Время, время!.. Все самое хорошее ушло в прошлое.

–Поверить не могу, что ты видел самого Тулуз Лотрека!

–Не только видел, но и пил с ним. Я купил у Лотрека рисунок Валентино, он был сделан на салфетке сангином.

–Ты видел гениальный фильм Хюстона «Мулен Руж?»

–Еще бы! Он в моей коллекции шедевров. Для меня величайшее удовольствие смотреть этот фильм и дышать воздухом Парижа тех лет. Голливуд создал много шедевров, но магия есть только в избранных фильмах.

–В «Касабланке» есть магия! И в «Мальтийском соколе».

–Еще «Жилец» р. Джона Брама. «Мускусная роза» р. Гр. Ратов, «Принц лисиц» р. Генри Кинг, «Частная жизнь Елизаветы и Эссекса» р. М. Кертиц, «Асфальтовые джунгли» Джона Хюстона, «Дом о семи фронтонах» р. Джо Май и другие.

–Давай вспомним «Газовый свет», тоже магический фильм. Такое полное погружение в викторианские времена. А по-твоему, какая поэзия магическая?

–Из поэтов я выше всех ставлю Э. По. Его «Ворон» меня не только очаровал, но и потряс. Даже если в этом стихотворении нет никакой идеи, оно абсолютно гениальное и пока никто не доказал обратное. Поэзия бывает разной; сентиментальной, скучной, грустной, пафосной, патриотической, напыщенной, тщательно отшлифованной и бессмысленной. Примечательно

то, что ни одно стихотворение, написанное поэтом, не имеет той естественности и душевности, которые свойственны народной песне. Возьмем русскую культуру, она вторична и в целом лишена стилия, но величие русского духа в их романсах, в народных песнях. Только в них можно понять неприкаемую русскую душу. Шотландские народные песни превосходят немецкие или французские, но в душевности и романтичности они уступают американскому фольклору, в который так ненавязчиво вплетены африканские и индейские мотивы. Кантри – величайший из всех известных стилей. Он как ковер, красота которого в тончайших оттенках, их сочетание в рисунке создает гармонию. Как я тебе сказал, «Ворон» произвел на меня незабываемое впечатление, я читал его много раз и до сих пор не могу сказать, что я вынес из его мистического содержания. Неважна суть, гораздо большее значение имеет впечатление. Художественная выразительность и музыкальность отличают этот шедевр. Поэма уникальна несмотря даже на то, что стихотворная форма позаимствована у викторианской поэтессы Элизабет Барретт. Опубликована поэма 29 января 1845 года в нью-йоркской газете “Evening Mirror”. Поразительно, что величайшая поэма в истории человечества принесла автору всего пять долларов. Именно такую сумму составил авторский гонорар. Но если размер заимствован, то особенность строфы является оригинальной. Поэма состоит из восемнадцати строф, каждая строфа содержит по шесть строк, последняя из них – рефрен. Здесь любопытна система рифмовки: с заключительным стихом рифмуются вторая, четвертая и пятая строка. По намеренно отсылает читателя к балладной традиции, а именно – к балладе Г. Бюргера «Ленора». В «Вороне», образ которого является предвестником смерти, возлюбленную героя зовут Ленор. В тексте есть мотив древнегреческой мифологии и библейские аллюзии: упоминается Эдем, а также бальзам из Глаады, который мог бы залечить душевные раны убитого горем героя. На место героя По ставит себя. Предполагается, что поэма была написана в 1844 году, когда смерть его жены Вирджинии Клемм была неизбежной, она уже два года болела чахоткой и умерла в 1847 году. Отсюда становится понятным то, что поэма пронизана меланхолическим настроением, время действия – ночь в декабре, состояние – тревога, тема – смерть. По использует прием аллитерации, с помощью которого он создает атмосферу безысходности, бессилия человека перед лицом рока. Образ ворона сам по себе метафора – символ страха. Некоторые литературоведы согласны с тем, что источником вдохновения По стал роман Ч. Диккенса «Барнеби Радж», главный герой которого имел говорящего ворона. Почти уверен, что они ошибаются в этом. Я был в музее Эдгара По в Ричмонде и видел иллюстрации Джеймса Карлинга и мне показалось, что он точнее передал образ мыслей и общее настроение героя, чем Гюстав Доре, известный своими работами на библейскую тематику. Я читал исследование Томаса Маббота, американского профессора и литературоведа, еще раньше меня впечатлила его исследовательская работа в отношении Джона Мильтона. Так вот, Маббот предлагает две версии как наиболее правдоподобные. Согласно первой, По сочинил «Ворона» в момент посещения им Бархатского пруда в 1843 году. Там он обсуждал стихотворение с поэтессой Энн Бархайдт. Вторая версия говорит о том, что По написал «Ворона» в 1844 году, во время проживания на ферме семьи Бреннан. Старшая дочь в семье, Марта и ее муж утверждают, что По читал им свое стихотворение еще до публикации. Как бы там ни было, нет причины думать, что По написал своего «Ворона» в порыве вдохновения и что все эффекты поэмы являются результатом всплеска фантазии, а не сознательным выбором. По свидетельству Сьюзен Вайс стихотворение пролежало на столе По более десяти лет неоконченным, он работал над ним с большими перерывами, что-то добавляя, изменяя и исключая. Через год после публикации «Ворона», который имел огромный успех, По пишет эссе «Философия творчества», в котором на примере «Ворона» подробно излагает свои взгляды на принципы работы, он отмечает, что ни один элемент поэмы не был случайным, он писал с той последовательностью, с какой решают математические задачи. И в самом деле, в поэме нет ничего случайного, лишнего, в ней строгая система, которая исключает любые несоответствия. В поэме не случайно наличествует 108 строк. Автор

сознательно стремился к такому объему, он полагал, что идеальный объем стихотворения не должен превышать сто строк. Другой задачей было создать подходящую атмосферу, которая могла бы вызвать у читателя сильное душевное волнение. Здесь По всех превзошел – печальная интонация погружала читателей в бездну меланхолии. Следующая мысль была о предмете грусти и По решает, что смерть любимой женщины является наиболее эмоционально сильным предметом переживаний героя, – так родилась основная тема «Ворона». Скорее всего выбор был продиктован самой жизнью Эдгара По, в раннем детстве он потерял свою мать, а потом умерла его жена. Теперь, художественный эффект. По использовал такой универсальный прием, как рефрен – одно слово. Он допускал, что этот прием может сделать поэму монотонной и однообразной. Поэтому, сделав неизменным его звучание, он постоянно меняет его смысл. По пошел дальше и усилил рефрен долгой гласной о, которая часто употребляется с согласной г. Так родилось знаменитое слово «nevermore». Композиция поэмы проста и естественная, она строится на привычной структуре «вопрос – ответ». Так родились магические строки: “Prophet!” said I, “thing of evil! – prophet still, if bird or devil! By that Heaven that bends above us-by that God we both adore – Tell this soul with sorrow laden if, within the distant Aidenn, it shall clasp a sainted maiden whom the angels name Lenore – Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name Lenore” Quoth the Raven “Nevermore”. По словам По он начал писать стихотворение с кульминационной строфы, он искал один единственный вопрос, в ответ на который слово “nevermore” вызвало бы наиболее сильное впечатление. Таким образом в работе он двигался назад. Сочинив развязку, он в нарастающей последовательности строил вопросы героя. Примечательно, что этой строфой поэт определил стихотворную форму, так как заранее установил не только общее расположение строк, но и метр, ритм и длину. В работах, посвященных анализу «Ворона», встречаются разные версии идеи поэмы. Мне лично импонирует версия об самоистязании. Ведь герой, в котором мы угадываем юношу студента, ведь он над книгами склонялся в полусне, предполагает, что слово “nevermore” является единственным, которое знает ворон, но продолжает задавать ему вопросы, зная, что услышит в ответ. Это осознанный акт самобичевания, лишь обостряющий чувство беспросветной скорби. В поэме упоминается галаадский бальзам, что отсылает нас к Книге пророка Иеремии: «Разве нет бальзама в Гилиде? Разве нет там врача? Отчего нет исцеления сынам народа моего?» Эдем – еще одна библейская отсылка. Герой спрашивает у ворона, встретится ли он со своей любимой в Раю. В другом месте герою кажется, что в комнату вошел *серафим* и Бог послал его, чтобы он принес ему *непенф*, своего рода антидепрессант. К славе «Ворона» многие хотели приобщиться и среди тех, кто сеял зерна сомнения в уникальности «Ворона» были, только вообрази себе Сара, китайцы.

–Черт бы взял этих китайцев! Они и сюда залезли!

–Я тебя обрадую, они сели в лужу. В 1901 году ректор Пекинского университета обнаружил сходство между фавулой «Ворона» и произведения «Ода сове» китайского поэта Цзя, творившего во II веке до нашей эры. В том же году одна из лондонских газет язвительно писала: «Похоже, что «Ворон», подобно пороку и очкам, был изобретен в Китае тысячи лет назад».

–Я не верю, что По вообще что-либо китайское читал! Или он все-таки читал этого Цзя И?

–Это в принципе было невозможно, поскольку «Ода сове» была переведена на английский язык в 1892 году, а китайского По не знал. Я лично считаю, что никакого источника у По при написании этого стихотворения не было вообще.

–Почему По в качестве птицы выбрал именно ворона?

–Причины очевидны: эта птица вписывается в меланхолическую тональность поэмы. Потом, вороны обладают печальной репутацией кладбищенских птиц. Их черное оперение символизирует траур. Кроме этого, в отдельных легендах им отведена роль медиатора между этим и загробным миром.

–Все свидетельствует против этой умной и хитрой птицы. Ворон магическая птица и в том, что он черный есть символический смысл.

–Когда-то эта птица была белой. В еврейском фольклоре говорится о том, что Бог наказал ворона за то, что он не вернулся к Ною, выпустившему его с ковчега, чтобы узнать сошла ли вода с земли. Так белое оперение ворона стало черным. Эту идею подхватил Овидий в своих «Метаморфозах». У него ворон тоже был белым, пока Аполлон не наказал его за то, что тот сообщил ему о неверности его возлюбленной. Но меня больше всего увлекает идея расшифровки рефрена. В музыке – это главная тема, которая неоднократно повторяется. Присутствие рефрена определяет форму произведения. Наиболее распространенная музыкальная форма, имеющая рефрен – рондо. Но вернемся к поэме. В ней 11 строф из 18 заканчиваются рефреном. Это крайне удачная находка По, ведь “nevermore” производит более сильное впечатление, чем поэтические рассуждения о необратимости времени. Во французской аллегорической поэме «Роман о розе», написанной в XIII веке, пространные рассуждения на эту тему утомляют своим скучным однообразием. Прообразом этого слова могла стать фраза “no more”, которую По не раз использовал в своих стихотворениях «Той, что в раю», «К Занте», «Линор». Слово “nevermore” неоднократно употреблялось в литературе, обычно в связи со смертью и до По, поэтому его нельзя назвать единоличным изобретателем. Однако только после «Ворона» и благодаря ему слово это стало таким выразительным. Это сложное слово, состоит из двух наречий, одно из них отрицательное: “never” и “more”, что составляет «никогда больше». В стихотворении ворон шесть раз отвечает “nevermore”, но эти повторения не являются тождественными друг другу, каждый раз слово приобретает новый смысловой оттенок. Теперь, пожалуй, стоит коснуться формы стиха. Вот где магия! Система, которую использовал По называется силлабо-тонической. Основной размер – восьмистопный хорей, стопа двухсложная с ударением на первом слоге. В строфе размер представляет собой комбинацию восьмистопного акаталектического, восьмистопного каталектического и четырехстопного хорей. В стихотворении есть внутренняя рифма, маркером которой выступает *цезура*, разделяющая первую и третью строки каждой строфы пополам. Стихотворение богато на такой стилистический прием, как *аллитерация* – использование одних и тех же звуков в неожиданных местах. «Ворон» музыкален прежде всего потому, что он насыщен звуковыми эффектами. По использовал и такой прием, как параномазия. В этом случае употребляются похожие по звучанию, но разные по значению слова. Теперь проблема заимствования. Литературоведы считают, что По заимствовал ритмику «Ворона» у стихотворения британской поэтессы Элизабет Барретт «Сватовство Леди Джеральдины». В бродвейском журнале он опубликовал критическую статью на стихотворение Барретт, в которой он писал, что не может представить что-то более возвышенное и прекрасное. Однако он указал и на ее недостатки, По писал, что ее поэзии страдает однообразием и ей не хватает оригинальности. Сразу после публикации «Ворона» Эдгар По стал общенациональной знаменитостью. Биограф автора писал: «Никогда еще на долю написанного американцем стихотворения не выпадало столь стремительного и широкого успеха. «Ворон» и в самом деле может прогнать орла с национального герба». Но слава не принесла По денег, в которых он отчаянно нуждался. В одном из писем, в свойственной ему манере он писал: «Денег у меня не прибавилось. Сейчас я не богаче, чем был в самые скудные времена, – разве что надеждами, но их в оборот не пустишь». Успех сопутствовал «Ворону» и в Европе. Элизабет Барретт писала По: «Здесь, в Англии, ваш «Ворон» произвел сенсацию, вызвал настоящую «волну ужаса». На каком-то светском вечере, где По был гостем, его попросили прочесть свое стихотворение. По просьбе поэта погасили лампы, и комната погрузилась в темноту, По стал читать таким проникновенным и мелодичным голосом, что потрясенные слушатели боялись дышать, чтобы не разрушить действие пленительных чар поэта. Когда зажгли лампы снова, какой-то молодой человек встал и сказал: «Услышать, как По читает «Ворона» – это настоящее событие в жизни любого человека». Наконец, любопытна история публикации. По

попытался продать стихотворение своему бывшему работодателю Грему в Филадельфии, но тот отказался приобрести и напечатать стихотворение, но выплатил ему 15 долларов в качестве помощи. Вторая попытка была успешной: за 9 долларов «Ворона» приобрел владелец Американ ревью, он опубликовал его в февральском выпуске журнала за 1845 год. Не уверенный в себе, По опубликовал свой шедевр под псевдонимом «Куорлс». Хотя первая предварительная публикация стихотворения с именем автора состоялась месяцем раньше в нью-йоркской газете “Evening Mirror”. Публикацию предваряла восторженная оценка Натаниэля Уиллиса. В моих архивах имеется этот выпуск, а слова Уиллиса я помню дословно: «По нашему мнению, оно являет собой единственный пример «мимолетной поэзии», известный американской литературе; а тонкостью замысла, изумительным искусством стихосложения, поразительно высоким полетом фантазии и своим «зловещим очарованием» не имеет ничего равного и в английской поэзии. Это один из «подлинных деликатесов», что питают наше воображение. Его строки навсегда останутся в памяти тех, кто их прочтет». Всего было 18 прижизненных публикаций и еще две сразу после смерти По. «Аннабель Ли» последнее из написанных По стихотворений. По и здесь развивает тему смерти молодой женщины. На мой взгляд прототип не имел место. Впрочем, в образе Аннабель могла быть воплощена жена писателя, Вирджиния Клемм. Стихотворение было написано в 1849 году, но опубликовано лишь после смерти писателя в том же году. Обстоятельства смерти величайшего писателя мира до сих пор остаются невыясненными, так же нет и единого мнения по поводу причины смерти По. В начале октября Эдгара По нашли в бредовом состоянии, лежащим на уличной скамейке в Балтиморе. Его доставили в больницу, где он и умер в 5 утра в воскресенье, 7 октября. После скромной службы По был похоронен на кладбище в Балтиморе. Спустя двадцать пять лет его останки были перезахоронены под более внушительным надгробным памятником. На памятнике указано, что под ним также похоронены жена писателя и теща. Существуют несколько теорий относительно причины смерти По: самоубийство, вследствие возникшей депрессии, убийство, холера, грипп, сифилис, менингит, диабет, рак и алкогольное отравление. В действительности По страдал от сильных головных болей, не мог двигаться, читать и писать. Чтобы избавиться от мучительных болей он пил, принимал морфий и опий. За год до смерти он едва не умер от передозировки лауданума, который в те времена широко применялся в качестве болеутоляющего. В 2006 году учеными был изучен образец волос, результаты которого опровергли возможность отравления свинцом, ртутью или другими токсичными испарениями тяжелых металлов. Наиболее правдоподобной среди причин называлась и холера. По был проездом в Филадельфии в начале 1849 года, как раз когда там была эпидемия холеры. Он заболел, находясь в городе, и написал своей теще Марии Клемм, что «возможно заразился холерой, или это приступ чего-то не менее ужасного». Заупокойная служба была очень простой, состоялась в 4 часа дня, в понедельник 8 октября 1849 года. Пришло всего восемь человек. Дядя писателя, Генри приобрел дешевый гроб, а кузен Нельсон заплатил за катафалк, а жена доктора пошила саван. Вся церемония длилась всего три минуты по причине холодной погоды. Обошлись без проповеди, так как пришло мало людей. Теперь расскажу то, что особенно тронуло меня. Это то, что делает американцев американцами. 10 октября 2009 года состоялась хорошо подготовленная заупокойная служба по великому писателю в Балтиморе. Актеры в платьях того времени изображали современников. По и других давно умерших писателей и артистов. Они все, по очереди прочитали надгробную речь, переделанную из отрывков произведений об Эдгаре По. На похоронах использовалась точная копия гроба писателя с восковой фигурой его тела. На следующий день карета с гробом проехала по главным улицам города до музея По на Эмити стрит до Вестминстерского кладбища. Изначально на могиле По не было установлено никакого надгробия, он был похоронен в дальнем углу рядом с могилой деда По-старшего. Надгробие из белого итальянского мрамора, заказанное кузеном Эдгара, Нельсоном По, было разрушено, когда сошедший с рельсов поезд протаранил кладбищенский склад, где хранился памятник. Вместо него на могиле установили

каменную плиту, на которой было написано №80. В 1873 году поэт Поль Гейне посетил могилу По и потрясенный ее бедственным состоянием, написал статью в газету. Сара Райс, учительница из Балтимора, развернула деятельность по сбору средств на новый памятник. Пожертвования поступали от многих людей и из других городов США. Автором проекта нового памятника стал архитектор Джордж Фредерик, возведением занимался полковник Сиссон. Общая стоимость памятника составила чуть больше 1500 долларов. Перезахоронение останков имело место 1 октября 1875 года на новом месте, рядом с фасадом церкви. Прежнее место могилы было накрыто камнем, пожертвованным жителем города. Три могильщика, которые занимались эксгумацией останков По, сначала выкопали юного солдата. Под ним они нашли гроб По. Несколькими годами позже в новую могилу По были перенесены останки его жены Вирджинии, так как кладбище, на котором она была похоронена, было разрушено, а потомков, которые могли забрать ее останки, у нее не было. Один из первых биографов По, забрал ее останки и хранил их в коробке у себя под кроватью пока они не были, наконец, перезахоронены с останками мужа. Это произошло в 76-ю годовщину со дня рождения Эдгара По. Библиография Эдгара Аллана По включает две повести, две поэмы, одну пьесу, около 70 рассказов, 50 стихотворений и 10 эссе. При жизни писателя вышло 7 сборников его произведений: 4 поэтических и 3 прозаических. Литературная карьера По началась в 1827 году с выходом поэтического сборника «Тамерлан» и другие стихотворения», изданного под псевдонимом «бостонец». Критика не обратила внимания на неизвестного автора. Следующий его сборник тоже остался незамеченным. Самым успешным произведением при жизни писателя стал «Золотой жук», победивший на конкурсе рассказов. За него По получил самый большой единовременный гонорар в своей карьере – 100 долларов. В «Необыкновенных приключениях некоего Ганса Пфааля» По заложил основы жанра научной фантастики. Затем последовали «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» и оставшийся незаконченным «Дневник Джулиуса Родмена». Вышедший в 1841 году рассказ «Убийство на улице Морг» принес ему мировую славу родоначальника детективного жанра. Вершиной творчества писателя стал «Ворон».

–Поразительно, какой объем информации ты держишь в своей голове, – проговорила ошеломленная Сара.

–Но я и половины не сказал от того, что знаю про По, – ответил польщенный Вельзевул.

5. Они играли в шашки и Вельзевул, разумеется, оказывался победителем за какой-нибудь час гораздо чаще, чем Сара. Это не удивительно, ибо он был широко и глубоко мыслящим существом. Он мог сразу выполнять несколько трудных задач, тогда как Сара мыслила в узких пределах натурализма, что свойственно всем тем, кто, как говорится, блуждает во тьме. Пока взгляд Вельзевула был сосредоточен на шахматной доске, Сара не отрывала глаз от него, она вытянула ногу под столом и коснулась его ноги. Не глядя, она чувствовала, что он немного напрягся, но вида не показал. Он не отстранился от влюбленной женщины. Его сдержанность питала ее надежду. Ее надежда была посягательством на его стоицизм. Их медлительность объяснялась тем, что каждый в своих действиях был достаточно осторожен. Она не торопилась идти в наступление хотя и умирала от желания тесно прижаться к нему. Он не отвлекался от игры, понимая, что малейшее поощрение с его стороны даст чувствам Сары стремительный взлет. Сейчас она действует неуверенно, боится возбудить против себя Вельзевула, а тот понимает, что плетется амурная сеть.

Сара обратила внимание, что он часто смотрит на часы. Был уже поздний вечер, когда она спросила:

–Опять куда-то собираешься?

–Да. Ты знаешь, сколько неотложных дел у меня.

–А откуда мне их знать, эти твои дела!

–Ну, так что же? – спросил Вельзевул, заметив в тоне раздражение.

–Я все вечера провожу одна.

– У тебя есть все, что хочется; дом, деньги, красивые вещи. Чего же тебе еще?

– Я боюсь чего-то.

– К чему эти страхи? – удивился Вельзевул. – Я же обещал тебе свое покровительство.

– Что будет со мной?

– Ничего. Судьба твоя не зависит от меня.

– Вот это действительно новость! Стала ли я от этого спокойнее? Не знаю. Послушай меня. Дому нужна хозяйка, которая взяла бы на себя все заботы. Разве ты не тоскуешь о семейной жизни?

– Не с тобой же! Пойми наконец я обречен на вечные скитания. Жениться?! Уж лучше в омут головой! Я не могу быть предметом любви. Так и знай. И потом, полюбить женщину – это значит отдать ей себя. И это не только постоянная тирания, это еще и анархия!

– Ты хоть раз влюблялся?

Этот вопрос она задала ему не зря. Хоть и дьявол он сделался ей мил и как мужчина. К тому же Сара пребывала в убеждении, что она однажды получит доказательство, что Вельзевул воспринимает ее благосклонней, чем остальных женщин, а пока за отсутствием таковых она, отчасти под воздействием его очарования, отчасти из-за неумной жажды быть любимой, отчасти из-за своей нерешительности, которую испытывают склонные к полноте женщины в возрасте, когда им приходится прибегать к разным уловкам, чтобы быть привлекательными, вдохновлялась надеждой, что скоро Вельзевул сам раздвинет границы их отношений.

– Не помню, когда я мог себе это позволить. Какое, впрочем, это имеет значение?

– Мог бы пожертвовать своей исключительностью! Так мало надо, чтобы соблазнить женщину!

– Женщины не стоят жертв.

От этих слов чувства Сары пришли в смятение.

– Не принимай это так близко к сердцу, – сказал Вельзевул, видя ее расстроенной.

– Глупо было... Я льстила себя надеждой, что небезразлична тебе.

– Ты не понимаешь ценность осознанного, но еще не осуществленного стремления. Фауст это понимал, понимаю я, а ты нет.

– Мне нужна полнота жизни, а не любование остановившимся мгновением. Вспомнил Фауста и себя тоже! Вы оба мужчины, а я женщина!

– Но это уже твое дело, а не мое, – отмахнулся Вельзевул.

– Твоя нетерпимость к женщинам просто возмутительна! Знаешь, кто ты?

– Скажи.

– Ты сексуальный расист!

Во время этой тирады Вельзевул, против обыкновения, развеселился.

– Ого. Никто еще не говорил мне, что я погряз в сексуальном расизме. А что! Это мне до известной степени льстит. Почему объясню позже. Женщина – первопричина всех бед. Даже ураганы называют женскими именами.

– Значит, тебе плевать на меня? Пусть я не молода, но у меня есть здоровье и идеалы. Я могу бороться.

– Если ты мне позволишь выразиться образно, то я скажу так: тут ты в заблуждении. Еще немного терпения, прошу тебя. Таких дел, о которых приходится думать очень много. И с каждым днем прибавляется все больше. Я выполняю свою работу, из сил выбиваюсь, полагаюсь только на себя самого. Я все вижу, все знаю...

– И руки у тебя длинные, – прибавила Сара.

– Отсюда выходит, что я могу одновременно интриговать тут, путать следы там. Словом, я всегда чем-то занят. Лет сорок тому назад я позвал Господа чтобы решить дилемму. Он отказался от участия в моем деле. Помню, он, как пророк Неемия, когда его, когда он уже взобрался на лестницу, позвали вниз, сказал: «Не могу спуститься. Делаю великое дело».

–Ты действительно могущественный?

–Я уже говорил тебе, что могу раздуть такой пожар, что его не погасить всей водой океана. Я шлю болезни, голод, разорения, раздоры, катастрофы, внушаю ненависть, зависть, что еще? Я олицетворяю деструктивную крайность этого мира. Но так уж я и жесток. Зло есть в ничтожном малом. Возьми кишечную бактерию. Это невидимое глазу существо вызвало эпидемию холеры, которая унесла миллионы жизней.

–Ты гордишься тем, что распространяешь зло, людей мучаешь.

Этот упрек, в котором эмоций было больше, чем логики, понравился Вельзевулу.

–Полагаю, ты найдешь вполне понятным то обстоятельство, что одна лишь боль заставляет человека думать. Боль смиряет его, обузывает, поглощает самодовольство. Люди не знают всего, чем они мне обязаны. Никто не ценит мою игру. На время человек испытывает чувство бессилия, он потрясен, беда всегда обрушивается внезапно. Он не освободится от него пока не исчерпает свою боль до дна. Потом только к нему приходит простое и ясное понимание каких-то вещей. Страдание одухотворяет его, чувства становятся ярче и вот он уже более чувствителен, чем был раньше. Вот почему, когда я вижу страдания людей, я мало о том беспокоюсь.

–Что бы ты там не говорил, людей ты все равно не любишь!

–А есть за что их любить? В мире нет ни одного безупречного человека. Богатые погрязли в сытом благополучии и деградируют. В одной лишь России двести семей имеют состояния, приобретенные без труда. Бедные заняты только тем, что обманывают друг друга. Современный человек утратил способность рассуждать, делать выводы и доказывать с помощью силлогизмов и индукции. Он спутал все свои представления о добре и зле. Он знает свои права, придает большое значение своей персоне: самоуважение сочетается в нем с сомнительными и ничем не оправданными личными притязаниями. Смотреть противно, как он носится со своим достоинством. Большое зло в том, что материальные блага стали многочисленны и доступны, а человек всегда хочет больше, чем у него есть. Там, где был человек труда сейчас потребитель, ничемный бездельник, паразит, биржевой маклер. Они составляют девять десятых человечества. Раньше человек видел смысл в труде, вере, его вдохновлял поиск истины. Чтобы обеспечить жизнь, нужно работать, как работали раньше; пахать, сеять, убирать урожай, строить, ткать, прясть, плотничать. Сейчас же труд обесценен, а истину повсеместно искажают. Для здоровья телу нужны движения, но люди пассивны, ленивы. Не в наркотиках, развлечениях и алкоголе находил человек прошлого удовольствие, а в отдыхе от дневного труда, но коль скоро физический труд упрощен, нет уже и радости от отдыха. На смену работникам, ремесленникам, творцам и людям непоколебимых убеждений пришли воры и паразиты. Они ничего не производят, но присвоили себе право пользоваться плодами чужих трудов. Вот в чем главная проблема! Я привел эти рассуждения не как свидетельство того, что мне чужда всякая мизантропия, а как доказательство того, что я достаточно разбираюсь не только в людях, но и в оценке времени. И вообще, наблюдая тысячи лет, трудно не испытывать презрения к роду людскому, алчность и нетерпимость которого уводит их за пределы всяких естественных границ.

–Ты говоришь об основной массе людей, которые ничего собой не представляют, но ведь есть люди сильные умом и волей?

–Да, отдельные личности, которые постоянно учатся. Это интеллектуальное меньшинство создает прогресс. Только у творческих людей, да и то не у всех, есть представление о совершенстве и только им дано к нему приблизиться. Возьми старинную шотландскую поэму. Кто сейчас может сочинить поэму равную ей по силе? Можешь сказать почему в наше время с его высокими технологическими достижениями невозможно построить готический собор, который превзошел бы в красоте, соразмерности всех его частей, в величественности, в безупречности стиля, в изощренном мастерстве деталей украшений любой из тех, что были построены в феодальные времена. Никто сейчас не соткет гобелен равный по искусству соче-

тания тонов и оттенков тем старым гобеленам, которые в музеях вызывают у нас восхищение? Как могли люди в те отдаленные, мрачные и суеверные времена, отмеченные главенством духа, делать поразительно точные математические вычисления – и это действительно говорит о многом. Какое вообще нужно иметь воображение, чтобы последовательно вводить декоративные детали в завершение, допустим, фронтона; знать систему контрфорсов и аркбутанов; представлять все элементы вертикального членения церковных и монастырских фасадов, находить подходящие фигуры для оформления стоков, желобов, фиалов, наружных и внутренних лестниц, ворот. Те, кто проектировал замки, дворцы и церкви должны были держать в голове массу информации состоящую из ступенчатых фронтонов, аркад, арочных фризов, кровельного, венчающего, междуэтажного карниза, проемов окон, колонн, карниза апсиды и пояса карниза, цоколя, галерей, башен, конусообразных, ромбовидных крыш, куполов, нефа, лоджий, пилястр, скульптурных композиций, ажурных решеток, вимпергов, медальонов, столбов, венков, капелл. И наконец, изумляет то, как размеры и контуры пролетов, связанные один с другим, и все вместе, сочетаются с общим рельефом! Конечно, мотивы античности и римские архитектурные формы служили для архитекторов романского периода источником вдохновения, но это не делает объяснение полным и исчерпывающим, ведь так? На этот вопрос нет однозначного ответа.

–По-моему совершенство архитектурных форм более естественно гармонирует с феодальными обычаями и нравами, нежели с нашим информационным веком, который согласуется с простыми и плоскими формами.

–Ты права. Если исходить из того, что все великое рождается из противодействия, становится понятным... ты упустила, что ваши предки могли работать до изнеможения в крайне тяжелых условиях, так вот, становится понятным, что мрачный дух средних веков более согласуется с величием олицетворяющих его пластических форм.

–Я вижу у тебя есть литературные способности. Мог бы написать книгу...

–Очень давно я был увлечен космологией, – оживился Вельзевул. – В большом воодушевлении я начал писать книгу под названием «Преадамиты».

–Что это такое?

–Она о первых людях Земли, которые обитали на ныне затопленном острове в Северном полушарии, но мне не хватало антропологических, этнографических и других свидетельств в доказательство того, что колыбель человечества изначально находилась в пределах Арктического круга.

–Возможно ли, чтобы там было место зарождения человеческой расы?

–Я только хотел показать возможность приемлемости существующей гипотезы.

–А почему тот остров оказался под водой?

–Первые люди жили очень обособленно. Что-то должно было послужить причиной их эмиграции в сторону юга. Этой причиной был потоп. Разрушение естественной среды способствовало повышению активности антропоида, которому для его развития необходимо было потрясение, в данном случае, геологическое. Условия в Рае были идеальными и люди, жившие там, не знали вины, ибо не было разниц между добром и злом. Их тело не подвергалось дифференции, а сознание было вялым и ограниченным, ведь в Эдеме удовлетворялись все его потребности.

–Они оставили Рай по собственной воле?

–Были вынуждены. Вместе с людьми в сторону Юга мигрировали животные и растения. Предоставленный себе самому человек сразу же увидел вокруг себя большие возможности и все свои силы направил на борьбу за власть над другими людьми и природой.

–Расскажи о Рае.

–О Рае я ничего не могу сказать – я там не был.

–А где он находится на Земле или на Небесах?

– Не найдя Рая на Земле люди предположили, что он на небесах. Карта мира Херфорда созданная в 18 веке доказывает, что земной Рай расположен на острове к востоку от Индии. В том же веке появилась поэма Готье де Метца, в которой он описывает земной рай, как уединенное место в Азии. Он окружен огнем и его ворота охраняет вооруженный ангел. Самое подробное описание путешествия в сторону Рая дал сэр Джон де Мондевилль. Он отправился в паломничество на Восток в 1322 году. Если верить его словам, то Земной Рай есть высочайшая точка Земли, такая высокая, что почти касается Луны. Колумб также искал Эдем, он считал местом его расположения остров к Востоку от Индии. В его время было принято бездоказательное мнение, что Рай находится в Венесуэле, а еще раньше некоторые помещали его в Эфиопии, на истоках Нила. Христианские легенды долго указывали на Цейлон, как на место Земли Бессмертия, описанной в книге Бытия. Скандинавская сага XIV в. Повествует о принце Эйрике, который вместе с другом принял обет исследовать Землю с тем, чтобы найти Рай. Их путь лежал на остров Цейлон. Буддисты Цейлона считали священной центральную гору острова Дэва-куту, что значит вершина Богов, а четыре потока стекающие с нее, соответствовали рекам Рая. В древности верили, что Бог создал земной Рай и посадил в нем дерево Жизни и оттуда бьет фонтан, из которого проистекают все четыре великих реки: Ганг, Тигр, Ефрат и Нил. В древней повести Плутарха говорится о каком-то благословенном острове, но она лишена указаний о его географическом месте. Теперь вспомним кельтов, для них остров Аваллон, который они никогда не видели, был земным Раем. Дэвид Ливингстон искал Рай в Центральной Африке. За пятьсот лет до Христа, древнегреческий поэт Пиндер сказал: «Ни при помощи корабля, ни ногами идя, не найдете вы волшебного пути». Христианские теологи и иудеи расходились во мнениях не только по вопросу о местонахождении Эдема, они высказывали много противоречивых мнений по разным поводам. Те, кто не верил в Рай следовали за аллегориями Филона, они полагали, что повествование в книге Бытия не имеет исторической ценности, поскольку сама книга излагает духовные мотивы.

Сара рассудила, что именно поэтому они не далеко ушли. И к тому, что сказала, прибавила:

– Даже не имея точных сведений о Рае, я могу сказать одно – Рай не может находиться на Земле. Жизнь здесь так стремительна!

5. Был десятый день их знакомства. Притягательная личность Вельзевула будоражила сознание Сары, она тянулась к нему, желала его, в сладких мечтах ему отдавалась и, как это обычно бывает, боготворила мужчину, которому хотела принадлежать. Для самого Вельзевула она была всего лишь любопытным экземпляром, стало быть, наблюдать за ней доставляло ему удовольствие. В этом свете их отношения были еще чистыми, не замутненными похотью и уловками. За редким исключением они проводили вечера дома за беседой, которая тем была романтична, что проходила у камина. Вот и в этот раз она состоялась после ужина: перед камином были так расставлены два удобных кресла, что между ними помещался низкий столик, на котором, если они не пили чай, были бутылка виски, Вельзевул отдавал предпочтение “Single Barel”, два стакана, лед и кола. Полная впечатлений от вчерашней беседы Сара невольно дала ей продолжение.

– Что ты еще можешь рассказать о Рае? – спросила она, отпив виски с колой из круглого гладкого стакана с тяжелым дном. Сара старалась держать стакан так, чтобы постоянно видеть бренд: Ralph Lauren.

– Ты полагаешь, что представление о нем сложилось у меня в памяти? Нет. Скажи, почему человека манит дорога?

– Наверное, потому что он надеется увидеть что-то новое и интересное для себя.

–Но как бы долго не шел человек дальше видимого, он никогда не приблизиться к месту, которое остановит его. Для тебя лично, подлинный Рай – это мир, который ты потеряла. Волшебный мир детства.

–А тот, другой Рай, он существует?

–Ты узнаешь это в день Суда. Этот день откровения я называю исходом.

–Как это?

–Это не событие в твоём понимании, а следствие работы смерти. Каждый миг она приводит в движение великое множество неприкаянных душ. Однажды и ты разделишь их страх!

–Перед чем?

–Перед Судом. Кто знает, что тебя ждет – зеленые поля Рая или смоляные и серные круги Ада.

–Но все же есть разница между земным раем и небесным?

–Разница только в средствах и предметах обстановки.

–Хорошо. Чем больше я задаю вопросов, тем меньше понимаю, что и как. Знаешь, если не можешь сказать прямо, моргни хотя бы, а вопрос такой: я увижу после смерти свою маму? И вообще, я хочу знать, жизнь состоит из случайностей или в ней все заранее определено.

– Есть ли случайность в том, что в родовом гербе Россини был изображен соловей, сидящий на розе. Мало того великий композитор родился в семье музыкантов, которая вела бродячую театральную жизнь: его отец был трубач, а мать хорошо пела. Незаурядные люди, как правило, знают о событиях, которые еще только должны произойти. Давай я расскажу тебе одну чрезвычайно странную, но правдивую историю, а вывод ты сделаешь сама. Началом своим эта история уходит в 1951 год и напрямую связана со вторым Прадским фестивалем памяти Баха. Он проходил в Перпиньяке, в старинном дворце королей Майорки. Вдохновителем, а позднее и руководителем этого фестиваля был американский скрипач А. Шнейдер. Он не только распорядился всеми приготовлениями, но и взял на себя обязанности концертмейстера, однако официальным лицом ежегодного прадского фестиваля был выдающийся виолончелист Пабло Казальс. И вот ему сообщают, что с Пуэрто-Рико приехал в Прад какой-то писатель с племянницей, юной виолончелисткой, он хочет встретиться с ним. Но Казальс был слишком занят и попытался уклониться от встречи, он отказывался до тех пор, пока не узнал, что этот писатель близкий друг родных его матери – семейства Дефильо с Пуэрто-Рико, только после этого он согласился принять их. Когда писатель и его племянница вошли, Казальс с большим любопытством посмотрел на девочку, ей было всего 14 лет в то время и сказал себе: «Это не чужая ко мне пришла». У него возникло ощущение, словно он с ней в родстве. Очаровательная девочка с темными глазами и длинными черными волосами пленила его – глядя на нее, он вспомнил свою мать и подумал, что она точно так же выглядела в ее возрасте. Мартита с дядей пришли к нему под вечер. Он пригласил их остаться поужинать. Когда они уходили была уже ночь. Они провели за разговором почти семь часов. Все это время Казальс томился чувством, которому не мог найти объяснения. Прошло три года. Зимой 1954 года дядя Мартиты написал ему, что девочка учится в нью-йоркской школе Манса у профессора Льва Розанова и спрашивал, нельзя ли ей приехать в Прад и брать уроки у него. Казальс согласился взять ее к себе в ученики. С первых уроков его поразило в ней редкая восприимчивость – она усваивала материал легко и быстро. К тому же у нее были необыкновенные способности к языкам. Со временем она научилась говорить по-французски, по-итальянски, по-испански и выучила кастильский, благодаря последнему она стала помогать ему писать письма. Шли месяцы, они привязались друг к другу. Казальс не скрывал, что любит ее, но его смущала большая разница в возрасте – Мартите было 18, а ему 76. Несмотря ни на что, Мартита согласилась стать его женой. Следует сказать, что Казальс боготворил ее, прежде всего потому, что видел в ней свою мать. Зимой 1955 года они с Мартитой приехали в г. Маячус на Пуэрто-Рико, где родилась мать Казальса. Там они сделали невероятное открытие. Оказалось, что в том самом доме, где в 1856 году

родилась его мать, через шестьдесят лет родилась мать Мартиты. Мало того, ее мать и мать Казальса родились в один и тот же день и месяц – 13 ноября.

До камина каких-нибудь два метра, Сара кожей лица чувствует жар огня, в легком и приятном контрасте с ним холодный стакан, она держит его в правой руке, которую положила поверх левой, дно стакана краем касается бедра, так как между ними мизинец: ее пятки упираются в мягкий бархат шерстяного ковра, за спиной подушка – это кресло теплое и удобное гнездо. Сара умиротворена, это чувство не просто сентиментальная привязанность к домашнему уюту – это еще и заключающий ее в свои объятия теплый покой в зимнюю ночь. Из головы не выходят последние слова, в них не мистические переживания другого человека, а ее собственная, личная правда и Сара, в эти минуты такая вялая и отстраненная от всего, молчит. Что ей еще остается делать? Жизнь и смерть – две крайности, как оказалось теперь, между ними есть не только страх, но и надежда, которая примиряет нас с неизбежностью. Она посмотрела на притихшего Вельзевула, который черпал свое вдохновение из глубочайших источников и сказала про себя: «Совершенно спокойно поручаю свою жизнь твоим заботам».

6. Однажды они беседовали в полумраке, при свечах, Сара слушала Вельзевула и невольно подумала, что, когда разговор ведется в темноте, слова воспринимаются совсем не так, как при свете. Об этом она сказала ему.

–Замечательно! Вот это мысль! По мне нет ничего лучше, чем чтение в уютном полумраке вечером. Да знаешь ли ты, что влияние тьмы на силу воображения было не раз доказано уже тем, что творческие способности проявляются как раз тогда, когда они менее очевидны. Темнота делает и музыку более выразительной.

–Даже ты обретаешься в темноте.

–Ну и что такого?

–А то, что ты человек с большими странностями. Притом в голове не укладывается, что ты имеешь душу, которая чернее египетской ночи. Сколько же в тебе противоречий!

–В человеке их мало?

–Что мне до людей, когда ты – моя забота, – заявила она, довольная тем, что назвавшись покровителем, Вельзевул принял ее у себя и позволил ей войти в его интересы. Но коль скоро поведение ее было молчаливо одобрено, она вознамерилась взять все домашние дела в свои руки. Вообще же она не боялась трудностей, справедливо полагая, что они преодолимы для слабодушных.

–Я лишь хочу сказать, что дьявол менее склонен впадать в крайности. Все очень обычно: в злобе человек сжигает себя, а в радости наполняется энергией.

–В чем твое величие?

–В моем уме и красоте, – ответил Вельзевул и воздел руки к потолку, где коричневым по белому был написан его девиз.

– Еще бы! Умен, красив, благороден. Выходит, что зря тебя ругают. Разве ты того заслуживаешь? – сказала Сара, готовая ради него взойти на костер мученичества.

–О, да, – сказал Вельзевул. – Все поносят, чернят, ругают меня сверх всякой меры, даже не пытаюсь найти причину для оправдания, – не без возмущения говорил он. – Вот плоды моих стараний! Я вхожу в человеческое тело не потому, что в человеке только и может дьявол обрести свое величие, а для того, чтобы пережить все его чувства. Не в последнюю очередь я хочу возвести в добродетель соблазн.

–Зачем тебе это? – спросила Сара, удивляясь оригинальности его ума.

–Что есть невинность, как не воплощение добродетели! Но как нельзя отвратить дождь зонтом, так и нельзя лишить невинность соблазна.

–Дорогой мой, скажи, а ты можешь сделать так, чтобы Китай исчез с карты мира?

–Вопрос сводится к следующему, угодно ли тебе, чтобы китайцы исчезли с лица Земли?

–Да. Терпеть их не могу. Там, где они все меняется к худшему. Стоит одному из них увидеть щель, как эти тараканы тут же расползаются во все стороны. Это ужас что такое! Почему русские допускают их в свою страну?

–Там никто не думает о стране.

–Почему Бог не благословил Россию? Хотя бы ты ее защитил от китайцев!

–Русские сами себя разоряют. Воровство для них отправная точка. Власть там крепко держится за испытанные способы мошенничества. Единственный надежный источник обогащения русские видят в воровстве. Знаешь, в прошлый раз я жил неподалеку от Колумбийского университета, в красивом доме, построенным в неоклассическом стиле. Однажды я увидел из окна, что мой сосед- китайский профессор косит свой газон. Тогда я смотрел на него и подумал, что никогда не приглашу его к себе.

–Вот видишь, а я что тебе говорю! Ты должен положить конец их убогим и жалким притязаниям! Они воруют наши технологии, – ненавижу их за это, они многим нам обязаны, но признать этого не хотят.

–Что же ты предлагаешь?

–Уничтожь их! Я так хочу!

Вельзевул удивленно посмотрел на нее.

–Сара, как ты кровожадна, я думал, что ты добрее, – сказал он в заключение.

6. Это был уже второй музыкальный вечер. Сара любила музыку, но сама играть не умела, предпочтение она отдавала пианино, брала даже уроки, но бросила занятия по какой-то мало-важной причине. Выслушав ее, Вельзевул сказал:

–Я музыке учился для того, чтобы ее наслаждаться. Я пианист, развлекаю себя игрой. Раньше я хотел превзойти Шопена, Тальберга, учился у Адольфа Гензельта, подражая его манере, преодолел технические и музыкальные трудности, но затмить его не смог. Буду тебе благодарен, если ты найдешь для меня учителя или школу, где бы я мог научиться танцевать свинг. Это самый прекрасный танец из всех.

–Это парный танец. Я буду твоей партнершей и тоже пойду с тобой учиться.

–Но сейчас мы пойдем гулять. Давай в Тайм-сквер, а оттуда по 42 улице. Жаль, что Рождество прошло. Меня всегда манит и увлекает вся эта возня вокруг праздника. Нет в мире другого города, сказочное величие которого в Рождество пробуждало бы такой отклик в душе людей. Сколько я себя помню, на Рождество я всегда приезжал в Нью-Йорк. Американцы с большим искусством и мастерством украшают свои города. Повсюду звучит музыка, горят свечи, висят на дверях рождественские венки.

–Помнишь потрясающую рекламу Кока-колы: мальчик слышит знакомую мелодию, подходит к окну и видит светящийся трейлер, который едет мимо его дома? Сколько в ней волшебства и магии! Каждый раз, когда я вижу это, меня охватывает трепет. Ну, разве не лучше было бы чаще показывать эту рекламу, чтобы в душах царил радость!

–Мне нравится в Рождество не торопливо гулять по красиво украшенным улицам, видеть с какой изобретательностью оформлены магазины, уже просто идти в толпе и чувствовать возбуждение доставляет мне эстетическое удовольствие. В это время и в самом деле поток человеческого восторга остановить невозможно: люди опьянены своими чувствами, они забывают об окружающем мире и о том, каким жестоким он может быть.

–А я обожаю Сочельник – это время активной деятельности, приятные приготовления к празднику выступают на первый план: подарки, украшение дома, гости, друзья, дети, которые изнывают от нетерпения... Что и говорить, все проникаются атмосферой праздника, все ходят в церковь, готовят разную еду и все такое. Не знаю, как еще объяснить мое восхищение этим праздником?

–В Европе тоже стараются красивыми композициями украшать города. Но пытаться подражать американцам, не обладая их духом, – это значит, подражать внешним приемам без поэтизации того, к чему они относятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.